

Александр Жиркевич. Рисунок Ильи Репина
Фото из открытых источников

Служение Отечеству из века в век...

Институтом мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук подготовлена к изданию рукопись книги «Служение Отечеству из века в век...», идея публикации которой поддержана Постоянным Комитетом Союзного Государства. Книга впервые подробно повествует о ярких представителях древнего рода Жиркевичей, чья деятельность неразрывно связана с Беларусью и Россией. Издание подготовила к печати заведующая отдела русской классической литературы ИМЛИ имени А.М. Горького, доктор филологических наук М.И. Щербакова

Особый интерес представляют дневники и записки известного общественного деятеля Российской империи, военного юриста, выдающегося коллекционера и мемуариста Александра Владимировича Жиркевича. В них даны колоритные зарисовки нравов старой армии, перекликающиеся со знаменитой повестью «Поединок» Александра Куприна, описана непростая судьба автора, который, невзирая на служебные неприятности, искренно боролся с произволом власть имущих в самых безнадежных ситуациях. С первых ступеней карьеры Александр Жиркевич, по его собственным словам, «начал борьбу с процветавшим в полку мордобийством». В дальнейшем после окончания Военно-юридической академии он наперекор начальству стремился защищать «нижних чинов», облегчить участь осужденных и добиваться наказания подлинных виновников произвола. Колоритны его комментарии к событиям российской жизни, современником которых ему довелось стать. Некоторые фрагменты этих его дневниковых записей мы и предлагаем читателям нашего журнала.

Будучи незаурядной творческой личностью, Александр Жиркевич был хорошо знаком со многими деятелями литературы и искусства. Он бывал в Ясной Поляне у Льва Толстого, кратко, но красочно описав встречу с великим писателем. В книге представлены материалы о его знакомстве с Ильей Репиным и поездке в витебское имение художника Здравнёво. Атмосфера усадебной жизни Северо-Западного края передана в коллекции впервые публикуемых отеческих писем будущей жены Жиркевича – Екатерины Константиновны Снитко и ее брата Андрея Константиновича Снитко, впоследствии видного белорусского археографа, археолога, этнографа, краеведа и музыковеда, одного из организаторов Минского церковного историко-археологического комитета и Минского церковно-археологического музея. Нельзя также не отметить, что для сохранения наследия Жиркевича много сделано его дочерью и внучкой Тамарой Александровной Жиркевич и Натальей Григорьевной Жиркевич-Подлесских, очерки о которых раскрывают неизвестные эпизоды сложной и не всегда счастливой судьбы этого богатейшего наследия, которое впервые стало широко доступно современному читателю.

ИЗ ДНЕВНИКА АЛЕКСАНДРА ВЛАДИМИРОВИЧА ЖИРКЕВИЧА

28 ноября 1880 г.

Читал в газетах сегодня («Новое время») о забаллотировании нашего русского ученого Менделеева в нашей русской Академии наук. Влияние немцев у нас в России огромное. Думаешь, что живешь во времена Петра Великого, когда от немцев ожидалось и реформы, и просвещение, и законодательство! И куда только ни прокралось это пагубное влияние немецкого духа?! Если приглядеться кругом, то всюду видны немцы, а если не немцы, то их обычаи, их влияние. Россия, с некоторых пор, стала обетованною землей для всех, ищущих барышей и спекуляций. Немцы изучили нас, русских, и дают нам часто чувствовать, что мы у себя в России не значим ничего, что мы те же варвары, что и при Петре Великом... Да и разве это первый случай, где немецкие ученые, убивая всякую возможность для русских деятелей вступить в Академию наук, проводят туда собратьев-немцев, устраивая какую-то корпорацию, в которую имеют доступ только те, которые нахватались немецкого духа (если только такой дух на самом деле существует, что очень сомнительно). У нас в России шайка ученых немцев хозяйничает, да еще как безнаказанно!.. На поверку выходит, что у нас нет ученых, что Россия воспитывает только посредственностей и что все наше самобытное – дрянь. Нет, господа немцы! Общий голос наконец поднялся отовсюду, отовсюду возмущенная русская интеллигенция ополчается на ваши корпорации! Скоро влияние ваше падет, а с этим падением поднимется самобытное русское, здоровое племя ученых, философов, администраторов, дипломатов... Если спит масса, то единицы работают, и наступит время (а оно уже близко), когда русскому уму, русской изобретательности станут удивляться все, кому дорога истинная наука, добросовестный труд!

7 декабря 1880 г.

Грамота в том виде, в каком преподносится нашему солдату и про-

столюдину, по моему мнению, не приносит никакой пользы. Выучить мужика читать – еще не значит сделать его грамотным. Нет, выучить его читать и осмысленным чтением указать ему осмысленный путь к самообразованию – вот задача народного образования. Мужички дети пока сидят на скамье, учатся читать и писать, а затем вне школы забывают скоро все, чему их учили, так как во всем этом не видят и намека на связь с жизнью... И тратятся русские деньги, отрывается молодежь от семьи, а в результате нуль...

Цены на продукты увеличиваются с каждым днем, наш рубль с каждым днем падает, и конца не предвидится до чего дойдет это падение.., а жалованье служащим не увеличивают. Прежде можно было многим существовать, теперь же это является вопросом, на который надо как можно скорее дать определенный ответ. Служащие на железных дорогах подали просьбы об увеличении содержания, и просьбы исполнены. Отчего же спят другие ведомства?! Положим, нам, военным, нечего и думать просить о прибавках. Хотя рассудок спрашивает, почему мы должны молчать? Видите ли, это нарушение дисциплины! Смейтесь, господа военные, смейтесь сквозь слезы! ваши семьи хотят есть, вам не на что пригласить доктора – смейтесь! Ведь все несчастья ваши, слухи о которых доходят из ваших уст до начальства, есть прямое нарушение дисциплины! Раз надел военный мундир – молчи, страдай, кланяйся, и есть для тебя только одно утешение, что все это оправдывается дисциплиной! Дисциплина желудка, голода и нужды. О, если бы можно было выдумать дисциплину кармана и расходов!! Существуют целые отрасли административных должностей, упразднение которых может быть произведено в пользу неимущих и страдающих... Увеличено содержание губернаторов и генерал-губернаторов... А о бедняке опять-таки забыли...

22 декабря 1880 г.

В местечках Северо-Западного края... кабаков можно встретить

несколько, пройдя по любой улице. Если есть кабаки – значит, на них существует и спрос... В росписи государственных доходов за истекающий 1880 г. указано на увеличение доходов с питейного сбора... Это увеличение указывает на то, что спрос увеличился на водку, следовательно, в народе увеличился нравственный упадок. Счастливо то государство (конечно, если только такое найдется), в котором цифра подобных доходов ничтожна... В местечках кабаки стоят как раз с таким расчетом, что мужику не объехать их стороною...

1888 г.

Первая моя работа в Вильне была защита часового, которому грозила каторга. Этот солдат стал передо мной на колени и просил: «Защищайте меня». Мне удалось доказать, что часовой не виновен, и его из зала суда освободили. Я счастлив, что удалось спасти человека. А он пал на колени и благодарил меня... С председателем суда Гариным возникает спор о роли защитника. «Меньше защищайте, – говорит он, – в военном суде все заранее решено»...

1889 г.

Вильно

Я защищал дело солдата, который поднял руку на офицера. Солдата осудили на 12 лет каторги. Я пишу о помиловании на имя Государя... У меня много дел по защите. Радость, когда удается иногда оправдать... В Минске слушалось большое дело по обвинению нижних чинов в преднамеренном убийстве. Дело возмутительное, так как в нем замешаны невинные люди. Я так переживал чужое горе, что, возвращаясь в номер, плакал. Дело кончилось пустяками, как говорят, благодаря мне, моей защите. Никогда не забуду этого дела. Я был счастлив, что смог помочь людям.

1890 г.

Сегодня полчаса беседовал в тюремном замке с тремя убийцами. Дорого бы дал, чтобы узнать, как ▶

Вильнюс, Кафедральная площадь

Фото из открытых источников

► было дело. Один из них мне в глаза не смотрит, но что-то говорит мне, что он менее виноват, чем другой, который держит себя развязно. А третий все время плачет. Если бы защитник в каждом деле знал правду, сколько бы людей мог бы он спасти. 17 мая вынесли обвинительный приговор всем трем в преднамеренном убийстве и сослали на каторгу. А я уверен, что они просто хотели поколотить ефрейтора Домова и поколотили так, что он умер. А все водка, водка!.. Служа в военном ведомстве, во многом с ним не согласен, и иногда моя защита сводится к нулю, благодаря постановке закона. И только в редких случаях удается мне выручить несчастного подсудимого, и вот ради этих редких случаев я и не бросаю службу в военном ведомстве. Предложи мне миллион, я не бросил бы эту службу, т.к. в ней вижу возможность быть христианином не на словах, а на деле...

7 мая 1891 г.

На днях будет слушаться дело об оскорблении действием офицера – нижним чином; защитник Тыртов. В беседе с генералом Голубом, который будет председателем, Тыртов сказал о подсудимом: «Это мерзавец, упеките-ка его подальше». (Вообще он считает всех солдат скота-

ми.) Я возмутился, зачем же он берется за роль защитника, когда не чувствует к этому призвания? – «А как же я тогда дойду до должности прокурора?» – говорит он...

13 сентября 1891 г.

Ясная Поляна

Спорить с Толстым невозможно; он не признает никаких авторитетов, кроме себя. Я составил программу вопросов. Но он сбивает с ног, беря инициативу разговора и задавая часто ироническим тоном вопросы так, что сразу оказываешься в неловком положении. Я перестал спорить. Если такие имена, как Кони... употребляются мимоходом, как нечто малозначительное, то что же представляю я в глазах великого сектанта? А я, отставив взгляды на свою работу, хотел опереться на эти имена. При такой постановке спора скоро доходишь до полного изнеможения, полной растерянности. Недаром при одном споре я дошел до такого состояния, что стал дрожать всем телом. Толстой это заметил сейчас же: «Однако какой вы нервный, что с вами?» Пребывание в Ясной Поляне, как я это испытал на себе, полезно: тут все время говорит в тебе совесть и не удаются попытки обмануть себя софизмами, компромиссами. «Какое счастье, что я

знал Л.Н. Толстого!» – мог я воскликнуть...

14 марта 1896 г.

Видел вчера талантливейшего и лучшего из людей современной России сенатора А.Ф. Кони. В назначенный день был у него. Говорили о многом... «Как вы должны скучать в вашем ведомстве, вы – горячее, любящее сердце которого я познал уже до знакомства с вами по вашим книжкам». Я ответил, что служу, так как стыдно уходить порядочному человеку, давая дорогу мерзавцам из-за желания покоя...

23 сентября 1898 г.

Порадовали меня вчера солдатики-арестанты № 14. Я был на гауптвахте на следствии и зашел в № 14. Они очень обрадовались и просили книг для чтения. При мне были только брошюры, и солдаты громко, доверчиво выражали мне по этому поводу сожаление. Некоторые просили себе азбук. Я раздал, советуя безграмотным учиться у грамотных чтению...

1901 г.

Вернулся из Гродно, где производил следствие о капитане Игнатовиче, пробившем барабанную перепонку подчиненному и сделавшему все, чтобы этого подчиненного упечь под суд за умышленную порчу уха. Я доказал, что солдат невиновен, и привлек к следствию офицера...

30 мая 1902 г.,

Петербург

Сегодня один из лучших, счастливых дней моей жизни – военный министр Куропаткин вызывает меня, вследствие моей переписки, по поводу поставленных мною вопросов в С.-Петербург, чтобы я высказался о том, что можно сделать без особых расходов для военных арестантов...

14 июля 1902 г.

Был на приеме у Куропаткина. Куропаткин пожал мне руку и благодарил меня за то, что я напомнил ему об арестантах в общих

1890 год. Заковка арестованных в кандалы

Фото РИА «НОВОСТИ»

гауптвахтах, что он мне обязан за поданную ему памятную записку. Затем он заговорил о реформах дисциплинарных батальонов, что для изучения вопроса за границу командируются три офицера, в том числе – один военно-судебного ведомства. «Я указал на вас», «помогите нам» и «хотел бы, чтобы время, проведенное заключенными в дисциплинарном батальоне, проходило для них и для общества с пользой. Необходимо заставить их работать. Думаю прикупить земли для устройства огородов и т.п. Пусть это будет труд тяжелый, чтобы арестант его чувствовал...». В этом роде была наша публичная беседа...

27 ноября 1902 г.

Целый месяц я не принадлежал себе, погруженный в тайны и разоблачения подробностей возмутительного убийства жандарма Николаева в Виленском военном госпитале. Здорового человека посадили в сумасшедший дом, и его убили служители. Пришлось вырывать и вторично вскрывать труп погибшего. И какой мирок военно-врачебных душонок я открыл! Что за типы, что за бессердечие и подлость! Какую приходится вести борьбу за правду с патентованными, украшенными значками мерзавцами!.. Враги мои множатся...

11 августа 1904 г.

Я дождался счастливой минуты, прочел радостную весть об отмене телесных наказаний в России... Я не верил собственным глазам, мне хотелось броситься кому-либо на шею и заплакать от радости... Я знаю, еще не скоро изживутся на деле телесные наказания... Но нет позорного закона, дававшего право пороть и унижать ближних!..

31 июля 1906 г.

Какой-то вихрь, ураган смерти уносит в России все энергичное, отважное сильное духом – с обеих враждующих сторон: со стороны правительства и революционеров. Ведь нельзя отрицать это – в рядах «красных» есть герои, любящие Родину!.. Если бы направить эти гибнущие силы в иную сторону, какая бы энергия была сохранена Родине! Не сочувствуя революционерам, я плачу о том, что уносят они с собою в могилы... Еще год – и в России останутся одни дряблые, космополитические ничтожества...

28 апреля 1907 г.

Вчера был один из счастливейших дней моей жизни: комитет по образованию войск прислал мне копию доклада своего военному министру – по вопросу, возбужденному мной об улучшении быта

военных арестантов. Почти все мои меры приняты. Военный министр дал согласие на реформы!

1–8 мая 1907 г.,

Вильно

Наши военно-окружные суды вешают и вешают...

1 ноября 1907 г.

Вчерашним числом подал, наконец, в отставку. Слава Господу, давшему мне силы разрубить этот гордиев узел. Барон Остен-Сакен зовет мой поступок бегством с поля сражения. Пусть будет так!.. И мне не хочется, чтобы мое имя фигурировало на скамье подсудимых. Я сегодня так счастлив, так рад, так уважаю сам себя...

18 января 1909 г.

Только что получил... письмо о том, что военный министр Редигер ввиду моего заявления, ему сделанного, изменил свой взгляд на чтения, прогулки арестованных: будут допущены все книги, которые читаются находящимися на свободе чинами, будут гулять не одни следственные, но и другие арестованные. Все это вводится в новый устав гарнизонной службы. Я счастлив, счастлив! Но многие ли поймут эту радость?! **РФС**

Подготовил **Олег Дзюба**